

**КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ**

**РЕЦЕНЗИИ**

**Языки мира. Романские языки** / Под ред. И.И. Чельшиевой, Б.П. Нарумова, О.Н. Романовой. М., Academia, 2001. 718 с.

Рецензируемая книга представляет собой очередной выпуск многотомного энциклопедического издания "Языки мира", подготовливаемого Институтом языкознания РАН. Описание языков выполняется согласно определенному стандарту, в соответствии с типологической схемой, разработанной Рабочей группой ИЯ для группы языков, большого языка и малого языка. За последние полстолетия романские исследования приобрели в России огромный размах, русская романистика добилась больших успехов, были изданы вузовские курсы по романской филологии и по отдельным аспектам больших романских языков, сопоставительно-типологические исследования романских языков, в том числе и по сопоставлению этих языков с русским. Были проведены исследования и по малым романским языкам. Однако недоставало более полного описания романских языков в целом. Данная книга восполняет этот пробел, являясь самым полным описанием романских языков, осуществленным в России.

Среди авторов статей: Т.Б. Алисова, Н.А. Бокадорова, Е.М. Вольф, Г.М. Горенко, О.А. Гулыга, Т.Ю. Загряжская, А.М. Лободанов, Л.И. Лухт, Е.И. Морозова, Б.П. Нарумов, Т.А. Репина, Е.А. Реферовская, Н.Л. Сухачев, И.И. Чельшева, Т.З. Черданцева. Особенно большую работу проделали И.И. Чельшева и Б.П. Нарумов. И.И. Чельшева, соавтор вводной статьи "Романские языки", является также автором или соавтором ряда крупных статей, Б.П. Нарумов – автор большой статьи об испанском языке, ему принадлежит также описание ряда малых романских языков Пиренейского и Балканского ареалов, многие из которых с такой подробностью описываются в нашей стране впервые. В процессе работы авторам довелось выполнить и некоторые "полевые работы", то есть провести исследование языковых фактов на

местах, так что языковой материал добывался не только из других книг. Так, И.И. Чельшева объездила север Италии, изучая диалекты, побывала во Фриули, Б.П. Нарумов был в Галисии и Фриули, Г.М. Горенко, писавшая статью о ретороманском языке, побывала в зоне его распространения и др.

Основная трудность исследования заключалась в выделении и классификации романских языков (идиомов), в том, что считать отдельным языком, а что – диалектом, и как их классифицировать. В основе классификации языков внутри языковой семьи нередко лежит географический принцип. Например, говорят о западных, южных и восточных славянских языках, и эти разграничения, в целом, остаются незыблемыми. Среди германских различают восточные (готский и др.), западные (немецкий, нидерландский, английский) и северные (скандинавские). В иранских языках выделяют две основные группы: западную и восточную и т.п. В романистике подобное деление оказалось непродуктивным ввиду специфичности формирования романских языков: они образовались не вследствие рассеяния и последующей консолидации племен, а "на месте", из готового народно-латинского материала. Поэтому, например, оппозиция западный/восточный интерпретировалась в романистике различно на основании разных критериев. Наиболее распространенной является трактовка, при которой к западно-романским относятся все языки, кроме балканских – румынского и малых языков Балканского полуострова. Но в истории романистики предлагались и другие варианты: к восточно-романским относился также весь итальянский или только южноитальянский (до линии Специя–Римини). В настоящее время в романистике чаще используется классификация, основанная на географическом принципе, которая базируется, однако,

не на "странах света", а на латинском названии соответствующих областей, подвергшихся романизации: выделяются языки иберо-романские, галло-романские, итало-романские, ретороманский, балкано-романские. Такая классификация фактически принята в рецензируемой книге, но дается она "невным" образом, нет специальных глав или разделов под такими наименованиями. Но описание следует определенному порядку. После вводной статьи о романских языках помещена статья об итальянском языке, что вполне логично, учитывая центральное положение этого языка в системе романских языков. К нему примыкают описания связанных с ним идиом: корсиканского, сардинского, истророманского. Затем идет статья о французском языке, за которым следуют описания окситанского, франкопровансальского и гасконского. Далее идет ретороманский блок: ретороманский Граубюндена, фриульский, ладинский. Потом — иберийская группа, начинающаяся с испанского языка и включающая португальский, каталанский, галисийский, астурийский, арагонский, сефардский. Восточно-романский ареал включает румынский, арумынский, истрорумынский, мегленорумынский. Завершается описание статей о вымершем далматинском языке. Мы так подробно описали содержание, чтобы подчеркнуть, что внутри каждой группы языки располагаются не по географической их близости, но по степени их социальной значимости (см., например, расположение статей внутри иберийского раздела).

Трудности классификации связаны с тем, что она зависит от еще более сложного вопроса, касающегося числа и номенклатуры самих романских языков. Дело в том, что ареал романских языков подобен ковру, состоящему из сотен мелких волосков, в котором краски постепенно переходят одна в другую вследствие несовпадения изоглосс. Неслучайно поэтому А. Алонсо предложил концентрическую классификацию романских языков, центральная часть которой составляет "непрерывную Романию", где языки связаны постепенными переходами. Она располагается вокруг Западного Средиземноморья и охватывает языки португальский, галисийский, испанский, каталанский, окситанский (провансальский), итальянский, близкие к общероманскому прототипу. К некоторым из этих языков примыкает язык, более далеко отстоящий от романского прототипа. К окситанскому примыкает французский, к итальянскому — ретороманский, на востоке особый ареал составляет румынский, имеющий некоторые сближения с южноитальянскими диалектами. Эти языки образуют как

бы элементы внешнего круга, но они между собой не связаны, представляя тем самым "прерывистую Романию". Некоторые романские языки совмещают признаки двух своих соседей, например каталанский — испанского и французского. Бадиа Маргарит назвал их "языки-мосты" (*lengua-puente*). В этом нетрудно убедиться на простейшем примере, так, "выход" будет по-французски *sortie*, по-каталански *sortida*, по-испански *salida* (каталанский язык как бы взял основу от французского языка и суффикс от испанского).

В разных трудах приводится различное число романских языков. Даже если общее количество языков совпадает, то могут быть различия в их номенклатуре. Так, К. Тальявини в своем "Introduzione alla filologia romanza" (1972 г.) выделяет 11–12 языков: румынский, далматинский, итальянский, сардинский, ретороманский, французский, франкопровансальский, окситанский (с гасконским), каталанский, испанский, португальский. В курсе Т.Б. Алисовой, Т.А. Репиной, М.А. Таривердиевой "Введение в романскую филологию" (1987) перечисляется 10–12 языков: французский, провансальский (= окситанский), каталанский, испанский, португальский (и галисийский), итальянский, сардинский, ретороманский, румынский (и молдавский), далматинский. Оба списка содержат 14 глоссонимов, из которых 4 (более четверти) встречаются только в одном из них. В сводном труде "Lexikon der Romanistischen Linguistik" (Tübingen, 1988) перечисляется 17 языков: румынский, далматинский, истророманский, фриульский, ладинский, граубюнденский ретороманский, итальянский, корсиканский, сардинский, французский, окситанский, каталанский, арагонско-наваррский, испанский, астурийско-леонский, галисийский, португальский. В рецензируемом труде описывается 23 идиома.

Как видно, основная сложность, с которой пришлось столкнуться авторам рецензируемого труда, состоит в различении понятий "язык" и "диалект". На основании совокупности вне- и внутриязыковых критериев они убедительно решают эту "вечную" проблему романистики. Учитывая отсутствие четких различий между языком и диалектом и наличие переходных случаев, авторы вводят промежуточное понятие "язык/диалект", указывающее на диалект, принимающий некоторые функции языка. В категорию "язык/диалект" включено 7 идиомов: корсиканский, истророманский, гасконский, арагонский, арумынский, истрорумынский, мегленорумынский. 16 идиомов описываются в ранге языка: итальянский, сардинский, французский, окситанский, франкопровансальский, ретороман-

ский (граубюнденский), фриульский, ладинский, испанский, португальский, каталанский, галисийский, астурийский, еврейско-испанский (сефардский), румынский, далматинский. Всего в книге описывается или упоминается более 600 глоссонимов — номинаций различных идиом. Собственно диалекты языков кратко характеризуются в статьях, посвященных соответствующему языку. Исключение сделано для диалектов итальянского языка, которым посвящена отдельная статья. Это вполне обоснованно, так как итальянские диалекты крайне неоднородны в романстике; как говорилось выше, существуют опыты разделения итальянского ареала на 2 или 3 части. Северноитальянские диалекты имеют больше сходства с галло-романскими языками, тогда как в южноитальянских диалектах отмечаются типологические совпадения с романскими идиомами Балкан. Их описание представляет общероманский интерес, и включение особого раздела в книгу обогащает общую картину романских языков.

Исторический комментарий к языкам также включен в основное описание. Здесь исключение сделано для французского языка, особый очерк посвящен старофранцузскому языку. Старофранцузский язык типологически отличается от современного французского языка. Французский язык прошел более интенсивный путь развития, чем другие романские языки. Итальянский и испанский языки в целом свою современную форму получили уже в XIII–XIV веках, тогда как во французском в это время начался новый цикл глубоких преобразований в структуре языка. Французский лингвист П. Гиро сказал образно, что французский язык не брат испанского и итальянского языков, а их племянник. Старофранцузский был языком с богатой и разнообразной литературой, было бы недостаточным для него ограничиться небольшим историческим комментарием, и поэтому следует одобрить включение в том отдельного очерка, посвященного этому языку.

Романские языки сыграли огромную роль в лингвистической истории человечества. Вследствие колониальной экспансии Испании, Португалии, Франции они распространились по всем континентам и стали первой по численности группой языков в Европе и третьей во всемирном масштабе (после сино-тибетской и индийской). В рецензируемой книге подробнейшим образом описываются романские языки Европы, всего ареала, образовавшегося вследствие романизации. Как известно, этот первичный ареал распространения романских языков называют Романией (Romania). В статье о французском языке опи-

сываются особенности французского языка за пределами Франции: в Бельгии, Швейцарии и др. Но помимо этого существуют и другие романоязычные области. Прежде всего это так называемая Вторая Романия (французы называют ее *aire de dispersion* "зоной рассеяния"), включающая те страны, куда в связи с колонизацией переселились значительные слои романоязычных европейцев (испанцев, португальцев, французов), образовавшие там население, для которого романский язык является родным. Это прежде всего страны Америки: Квебек, Гаити, Бразилия, многочисленные испаноязычные страны Латинской Америки, большие группы испаноязычных и франкоязычных жителей США. Говоры этих стран описаны неравномерно: варианты испанского языка освещены, включая даже особенности языка испаноязычных американцев, все, но французский язык Новой Англии или Гаити упоминается, но не характеризуется. Третья романоязычная область (Третья Романия, *aire d'expansion* "зона экспансии") состоит из тех бывших колоний Испании, Португалии, Франции, Бельгии, где романские языки не являются родными для местного населения, но используются как языки официального или межэтнического общения, преподавания и т.п. Таковы многие африканские страны с французским языком, Экваториальная Гвинея с испанским, португалоязычные Ангола, Мозамбик, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи. В данном случае описываются особенности испанского языка в Экваториальной Гвинее и на Филиппинах, тогда как специфика французского и португальского языков в Африке обходится молчанием хотя, например, французский язык в Африке описан весьма подробно, в том числе и в российском языкознании.

Наконец, еще одной зоной, примыкающей к Романии, являются страны с креольскими языками. Существует целый ряд креольских языков на французской, испанской или португальской основе в Америке и Африке. Их упоминание в книге о романских языках представляет двоякий интерес: во-первых, креольязычное население часто двуязычно и сохраняет (например, в Гаити) наряду с креольским и исконный романский язык, что ставит вопрос о взаимодействии двух вариантов речи; во-вторых, что бы ни писали о формировании креольских языков, о влиянии, например, на них африканских наречий, креольские языки в определенной степени продолжают и развивают особенности разговорной речи и просторечия импортированного романского языка. Хорошо, что кратко характеризуются креольские языки в разделах об испанском и португальском языках,

и следует пожалеть об отсутствии аналогичного материала в главе о французском языке, хотя существует по меньшей мере четыре разновидности франкокреольских языков.

Надо, однако, отметить, что в книге учитывается и кратко характеризуется язык диаспор, например, испанский язык в США, французских поселений в Сицилии и Южной Италии и др. Особенно тщательно описываются диаспорные и островные формы романской речи в пределах европейской Романии. Если территориальные варианты описаны весьма подробно, то на социальные варианты обращалось меньшее внимание, а между тем народное просторечие играет большую роль в общем развитии языка, чем какой-нибудь отдельно взятый диалект. Это касается, в частности, французского языка. Французское просторечие (*le français populaire*) это не какой-нибудь полуискусственный жаргон, а, как считают историки языка, продолжение народной речи Иль-де-Франса, в нем сохраняются многие черты, которые были свойственны французской речи в прошлом, и формируются новые явления, отражающие некоторые тенденции языка, которые в других идиомах фиксируются на нормативном уровне. Так, отмечаемое в итальянских диалектах расчленение относительного местоимения на общий союз и притяжательный детерминатив является характерным и для французского просторечия. Сходные элементы между романскими языками устанавливаются на уровне: а) некодифицированных форм языка (диалектов, просторечия); б) кодифицированной речи в одном языке и некодифицированной в другом; в) кодифицированных форм обоих языков.

Положительной стороной книги является показ многих дискуссионных вопросов романистики, особенно касающихся разграничения и классификации идиом. Коснемся некоторых спорных проблем.

Несколько нечетко излагаются вопросы, связанные с категорией рода и числа у имен, особенно во французском языке. На с. 36 говорится, что романские существительные обладают классифицирующей категорией рода. На с. 425 утверждается, что в сфере одушевленных существительных можно говорить о словоизменительной категории рода. Представляется, что то же можно вполне приложить к французскому, а может быть и к другим романским языкам. В русском языке естественный род образуется с помощью суффиксов, в испанском и французском языках он передается теми же средствами, что и род прилагательных, у которых он является, несомненно, словоизменительной категорией. Таким образом, в ряде романских языков

одушевленные существительные способны изменяться по роду. Неточно изображается формирование форм рода в двух кодах французского языка (устном и письменном). На с. 37 и др. указывается, что "добавление флексии -е в письменной форме приводит в устной форме к дополнительно согласному в исходе основы" (пример: *vert* – *verte*). Устная форма языка не зависит от правил орфографии (обратное более точно), конечный согласный в устной речи звучит сам по себе, независимо от орфографических правил, и правильнее, по-видимому, говорить, что у многих французских основ имеет место чередование форм – краткой (используется в форме м.р.) и полной (ж.р.). Это чередование основ отмечается и в спряжении многих "нестандартных" глаголов (*il part* – *ils partent*), и при словообразовании (*vert* – *vertement*). Его можно также трактовать как вид внутренней флексии. В книге неоднократно говорится, что во французском языке преобладает выражение рода (и числа) неморфологическим путем, с помощью артикля и других детерминативов. Многие современные французские исследователи (О. Соважо и др.) отмечают, что эта роль детерминативов сильно преувеличена. Что касается рода, то у французских детерминативов (*les, des, ces, mes, etc.*) число нейтрализует род, то есть во множественном числе они рода не различают. В тексте существительное часто употребляется без артикля или с элидированным артиклем, также не различающим род. *Liaison* тоже может затушевывать родовую принадлежность имени, напр., *mon ami(e)*. Более чем в половине случаев элементы именных групп не показывают род. Окружение (включая артикль) не играет исключительной роли в выражении рода и числа существительного. Разумеется, артикль участвует нередко в опознании рода имени, но информация о роде имени извлекается говорящим прежде всего из формы и значения самого имени.

Вряд ли правильно, следуя традиции, считать инфинитивные окончания – *-er*; *-ir*; *-ar*, *-ir*; *-are*, *-ire* – глагольным суффиксом, образующим глагол от существительного или прилагательного (с. 84). Это не суффиксы, а флексии инфинитива, символизирующие всю глагольную парадигму, присоединение которой к основе имени обеспечивает переход (конверсию) имени в класс глаголов. Они пропадают при спряжении глагола. Подлинными суффиксами являются ит. *-izz(are)*, фр. *-is(er)*, etc. Ит. *armare* представляется неудачным примером оглаголивания имени, этот глагол не произведен от *arma*, но прямо продолжает лат. *armare*, так что если имел место переход от имени к глаголу, то он

произошел уже в латыни. Также можно было бы отказаться и от школьной традиции именовать служебные местоимения типа фр. *en*, у адвербиальными местоимениями, поскольку они (особенно *en*) чаще всего замещают имя в функции дополнения и составляют единую подсистему со служебными объектными местоимениями.

Несколько противоречиво освещается культура и язык сефардов в Османской империи. На с. 561 говорится, что они "постепенно превратились в наиболее отсталую в культурном отношении часть населения". Однако далее сообщается, что сефардская интеллигенция пользовалась французским языком, что в XVI–XVIII вв. у сефардов была значительная светская литература, а в начале XVIII в. было предпринято издание 18-томной энциклопедии, рассчитанной на широкого читателя. К этому следует добавить, что в силу требований богослужения всякий сефард-мужчина обязан был знать хоть сколько-нибудь грамоту и уметь читать Библию. Вряд ли все народы Османской империи были на таком же уровне культуры. Что касается языка, то совершенно правильно указывается, что сефардский язык сохранил многие архаические черты испанского языка, однако, как это обычно бывает в островных языках, в нем развились новые тенденции, которые отмечаются в статье, например, устранение чередований по дифтонгизации в корнях, как это произошло несколько раньше во французском языке.

Некоторые частные неточности. С. 33 – неверно, что лат. конечный *m* "исчез, не оставив следа в Р(оманских) Я(зыках)". Следы его сохранились в ряде односложных употребительных слов: фр. *rien* (от лат. *rem*), исп. *quien* (от лат. *quiem*), фр. *mon, ton, son* (от лат. *meum, tuum, suum*). С. 215 – неудачный пример: слова *la troue* "нора" во французском языке нет, правильно *le trou* (м.р.). Если нужен был пример слова ж.р. с исходом на *-oue*, то можно было бы выбрать между *la roue, la joue, la boue* и еще десятком слов. Некоторые опечатки: с. 563 – *нунн* (семитская буква), нужно *нун*; с. 235 – *le moral* "боевой дух" (*la morale* "мораль"), *baignoire* "ванна"; с. 237 – *un chien fidel* (нужно *fidèle*). С. 248 – форма ж.р. *la déprisée*, свойственная франко-канадскому, существует и в языке метрополии (см. Le Petit Larousse, 1996).

Последнее замечание касается описания графических систем рассматриваемых языков, что предусмотрено особым пунктом типовых схем статей. Все романские языки (кроме молдавского языка Приднестровья) пользуются латинским алфавитом. Но классическая латынь в фонетическом отношении

была довольно бедной, в ней отсутствовали аффрикаты, палатализованные согласные, целый ряд различительных фонетических черт, возникших впоследствии в романских языках. Романским народам пришлось приспособлять латинскую графическую систему к изображению новых звуков. При этом разным языкам приходилось иногда решать аналогичные проблемы: различение взрывного и фрикативного значений у букв *C* и *G*, обозначение палатализованных *L* и *N*, обозначение открытых и закрытых *E* и *O* и др. В связи с этим часто используются полиграфы (буквосочетания), диакритики и другие графические средства. К сожалению, не всегда при разъяснении графики в книге уточняется значение букв, полиграфов и диакритиков. Фонетические таблицы заполняются знаками МФТ, слова-примеры приводятся часто в принятом в данном языке написании, но не всегда можно понять соотношение между тем и другим обозначением. Разумеется, для широко известных языков в этом может не быть большой необходимости, хотя, например, для испанского языка дано краткое и вместе с тем ясное и полное изложение правил графики и орфографии (с. 416–417). Но для редких языков это весьма желательно. Например, в параграфе об окситанском языке говорится, что в нем используется 10 диграфов, в том числе *ch, tg, tj*, но как они читаются, не разъяснено, а между прочим, данный том будет несомненно широко использоваться как справочное издание. В еще большей степени это можно отнести к статье о ретороманском (с. 339). Здесь отмечаются полиграфы *dsch, s-ch, stg, tg* (без пояснения их чтения), непонятна ссылка на итальянский диграф *cl* (разве есть такой?). Далее дается сравнительная таблица ретороманских вариантов некоторых слов, но как читаются примеры, остается неясным.

Очень хорошо, что приводятся наименования идиомов на немецком и английском языках, к сожалению, не всегда даются французские варианты (например, для арумynского).

Большую ценность в книге представляют упоминания о параллелях специфических явлений в разных романских языках и диалектах. Например, указывается, что предлог перед одушевленным прямым объектом употребляется в испанском, гасконском, румынском, южноитальянских диалектах. Авторы часто отмечают подобные схождения, хотя и оговаривают, что технически осуществить это полностью было бы невозможно. Что касается причин специфики форм в разных романских языках, то разнообразные суждения, которые высказывались по этому поводу,

могут быть сведены к трем факторам: влиянию субстрата, специфике импортированного языка (например, известная теория Моля о диалектальном членении народной латыни) и спонтанному проявлению общелингвистической тенденции. Особенно интересны явления, подпадающие под третью группу факторов. Романский ареал очень интересен в том отношении, что в разных его частях независимо друг от друга порой пробиваются в литературных языках и диалектах одни и те же явления и тенденции. Приведенный в книге прекрасно описанный огромный материал позволяет выявить широкий круг этих динамических фреквенталий, что могло бы явиться существенным вкладом в общую лингвистику. В ряде случаев авторы приводят факты, общие для данного описываемого языка и его нероманского окружения, например, немецкие параллели для ретороманского языка. Сбор подобных фактов можно было бы расширить. Например, на с. 643 отмечаются в арумьнском языке необычные для романских языков трехсложные группы в начале слова, например, *mbrumut* "брать взаимно" (ср. фр. *emprunter*), *mpl*; *ntr*, etc. Быть может, стоило было здесь обратить внимание на то, что подобные звуко сочетания характерны для албанского языка, с которым контактируют группы арумьнов, например, *mbret* "король" (от лат. *imperator*), *mbledh* "собрать" и т.п.

Книга в основном написана живо, читается с увлечением. Очень интересны "внешнелингвистические" комментарии, касающиеся происхождения, развития, современного функ-

ционирования языков. Книга снабжена прекрасным справочным аппаратом. В приложении читатель находит список сокращений, принятых при обозначении языков и диалектов, грандиозный указатель романских языков и диалектов, упомянутых в книге (более 600 названий), в заключение приводятся типовые схемы статей.

Нельзя не отметить особо прекрасно выполненные карты (Ю.Б. Коряков). Их 10, они составляют целый атлас, показывая романские языки в мире, языки четырех основных зон Старой Романии (Франция и Италия с сопредельными регионами, Пиренейский полуостров, Румыния), зоны размещения "малых" языков: Южные Балканы, кантон Граубюндена в Швейцарии, Северо-Восточная Италия, далее Истрия, Фриули, Венеция-Джулия и, наконец, Корсика и Сардиния. Впервые в российской романистике представлены с такой подробностью ареалы распространения малых языков, изучение которых сейчас является одной из актуальных проблем романистики.

Можно поздравить отечественных романистов с выходом этого труда. Огромный материал, собранный и проанализированный в нем, даст возможность осуществить следующий шаг: выявить аналогичные явления, наблюдающиеся в разных романских языках, и тем самым установить универсалии, фреквенталии и уникалии в сфере романских языков.